

студенты уже с первого года обучения дезориентируются. Им внушается представление об этнографии как о науке, обращенной в прошлое, — науке о пережитках. Советская этнографическая наука для кафедры этнографии ЛГУ не существует. Такое положение более совершенно нетерпимо и требует срочного изменения.

Отвечая в заключительном слове на вопросы, поставленные в отдельных выступлениях, И. И. Потехин еще раз подчеркнул, что аполитичность, буржуазный объективизм, компартистизм — проявления враждебной нам идеологии. Многие ошибки, допускаемые в трактовке этнографических явлений, связаны с формальным, недостаточно глубоким пониманием принципа партийности в науке. Об этом говорит благодушное отношение к проявлениям космополитизма, к совершенно нетерпимому положению на кафедре этнографии ЛГУ, недостаток мужества в борьбе с этими вредными явлениями у преподавателей кафедры — членов коллектива Института этнографии (Иванов, Попов). Нужно твердо знать, что партийность в науке означает подлинную объективность и научность. Помня нашу ответственность перед родиной, мы должны беспощадно бороться с различными ошибочными концепциями.

Закрывая заседание, С. П. Толстов подчеркнул, что путь к преодолению вскрытых ошибок лежит прежде всего в углубленном изучении и освоении марксизма-ленинизма. Среди этнографов старой школы раздавались голоса об отрицании этнографии, о затухании интереса к ней и т. п. Жизнь опровергла эти утверждения. Последние наши работы в области изучения социалистической культуры и быта народов СССР, в области изучения современного толжения народов колониальных и полуколониальных стран ярко показали жизненность и политическую значимость нашей науки.

В принятые по докладу И. И. Потехина резолюции включен ряд конкретных предложений (о скорейшем создании научной истории русской этнографии антропологии и фольклористики, об активизации теоретической работы в этих областях науки, об окончании в текущем году многотомника «Народы мира», об оказании всемерной помощи прогрессивной части этнографов стран народной демократии в их борьбе против реакционных течений, за утверждение принципов советской этнографии и др.).

О. Корбе, Г. Стратанович

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ «УЗБЕКСКИЙ НАРОДНЫЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС»

16 ноября 1948 г. на совместном заседании секторов фольклора и Средней Азии Института этнографии состоялось обсуждение книги В. М. Жирмунского и Х. Т. Зарифова «Узбекский народный героический эпос». С докладом выступила В. К. Соколова, указавшая, что книга Жирмунского и Зарифова должна быть решительно осуждена, так как она содержит активную пропаганду враждебного марксизму компартистического метода. Узбекский народный эпос авторы рассматривают с позиций буржуазного космополитизма; они нагромождают множество параллелей из героического и сказочного эпоса восточных и европейских народов, и в этом хаотическом нагромождении обломков эпоса всех времен и народов совершенно тонет идейное содержание и национальное своеобразие узбекского героического эпоса. Действительной конкретной истории развития узбекского эпоса, теснейшим образом связанной с историей узбекского народа, анализа его идей и образов в книге нет, реальное историческое содержание народного эпоса полностью игнорируется. Схематизм и антиисторизм, идущие от концепции А. Н. Веселовского, пронизывают всю книгу. В итоге у читателя создается совершенно извращенное представление, — что различные произведения узбекского эпоса лишь случайные вариации одних и тех же пресловутых «бродячих мотивов» и «сюжетных схем» или же перепевы сюжетов персидской средневековой литературы.

В обсуждении книги приняли участие научные сотрудники Института этнографии и других учреждений.

Т. А. Жданко в своем выступлении отметила, что книга В. М. Жирмунского и Х. Т. Зарифова, как попытка исследования двумя крупными специалистами национального героического эпоса узбеков во всем его своеобразии, была встречена этнографами с большим интересом. Эпос — богатейший источник для изучения истории культуры, быта, мировоззрения создавшего его народа. Книге предпослано содержательное введение, в котором авторы освещают историю узбекского эпоса в тесной связи с этногенезом узбекского народа и характеризуют огромную собирательскую работу, проведенную фольклористами в Узбекистане после Великой Октябрьской социалистической революции. Очень интересна для этнографов первая глава книги — об узбекских народных сказителях; жаль только, что в ней отсутствует описание обстановки, в которой происходят в настоящее время выступления народных бахши и шаиров (на колхозных и семейных праздниках и т. д.). Основные же главы книги не могут удовлетворить читателя. Обширная глава «Эпический репертуар» представляет собой перечень произведений узбекского эпоса в форме краткого сухого конспекта каждого произведения, не дающего представления о богатстве и национальном

своеобразии узбекского эпоса. Исследованию, предпринятому авторами, следовало предпослать сборник подлинных произведений, а не схематичный перечень их сюжетов. Сопоставления авторами узбекского эпоса с одноименными произведениями других народов проводятся формально, исключительно по линии сюжетов. Так, например, указывается, что основное отличие алтайской версии «Алпамыша» от узбекской — в отсутствии сюжета героического сватовства, брачных и стязаний (стр. 76). Версии других народов также характеризуются авторами лишь путем сопоставления сюжетных схем, без учета национальных черт, обусловленных различными историческими судьбами и формами быта отдельных народов. Гл. «Общая характеристика узбекского эпоса», как и все исследование, проникнута формализмом и компаративизмом. Авторы, следуя методу Веселовского, в своем анализе игнорируют связь эпоса с конкретной исторической обстановкой, о которой они сами же говорят во вступительных разделах глав. Фактически книга не дает представления о национальном узбекском эпосе. Следует признать, что компаративистский метод Веселовского, враждебный ленинско-сталинскому учению о национальной культуре, принизил всю книгу, в высшей степени отрицательно повлияв на ее качество и научное значение.

Б. И. Богомолов (Академия общественных наук) указал, что разбираемая книга в своей основной части является типичным примером компаративистского исследования и наглядно показывает несостоятельность и научный вред этого метода. Книга посвящена узбекскому эпосу, но в действительности она не дает представления ни об этом эпосе в целом, ни об отдельных его произведениях. Прекрасное целостное знание национального эпоса раздроблено на отдельные элементы, кирпичики, превращено в развалины. В книге дан какой-то хаос элементов узбекского эпоса и эпосов других народов. Применяя компаративистский метод, В. М. Жирмунский и Х. Т. Зарифов полностью отрицают цельность и национальную специфику художественного произведения в народном творчестве. Более того, они по существу отрицают и народное, национальное творчество, вслед за Веселовским рассматривая фольклор как случайное сцепление вечных «бродячих мотивов». Авторы книги слепо последовали за Веселовским. Более того, ссылаясь только на него одного, они тем самым пропагандируют его, выдавая за высший научный авторитет. Она не раскрывают на основе эпоса исторически развивавшиеся чаяния и ожидания узбекского народа. Как весь содержание книги, так и в своем определении задач изучения эпоса народов СССР они ориентируют наши национальные кадры фольклористов на применение компаративистского метода, в корне чуждого подлинной науке.

Проф. С. П. Толстов отметил, что выступавшие до него товарищи правильно указали основные методологические пороки книги тт. Жирмунского и Зарифова, которая является не только образцом применения методологии Веселовского, но и активной пропагандой ее. Стремление всюду найти параллели, нагромождение бесчисленных примеров — только запутывают читателя и создают неверное представление об узбекском эпосе. Все его элементы даны разрозненно, его национальная специфика оказалась сначала растворенной в каком-то «степном» эпосе, а затем в эпосе мирового. Авторы не обращают внимания на идейное содержание эпоса, а оперируют голыми сюжетными схемами, в результате чего различные национальные произведения рассматриваются как вариации одной и той же сюжетной схемы, как различные стадии одного и того же сказания (например, узбекский цикл о Гороглы и азербайджанский — о Кёр-Оглы). А между тем перед нами произведения народов с различной историей, различным социально-экономическим укладом, различными задачами, стоявшими перед ними, и различным отношением к ним. Их образы отражают чаяния и ожидания конкретного народа, конкретного исторического периода, а тт. Жирмунский и Зарифов этого не учитывают и эти чаяния и ожидания не раскрывают.

Самый перечень и пересказ сюжетов узбекского эпоса в книге неполноценен и со стороны, о ряде произведений и циклов авторы совсем умалчивают, другие же представляют в неверном свете. Героический эпос, несомненно, является очень важным источником при изучении этногенеза. Узбекская нация окончательно сложилась только после Великой Октябрьской революции, в состав ее вошли разные этнические элементы, среди них значительное место занимают потомки древнейших оседлых земледельческих народов не тюркского происхождения, живших на территории современного Узбекистана. Между тем, тт. Жирмунский и Зарифов анализируют в узбекском эпосе только тюркский пласт, и притом позднейший, древнейший же согдийско-хорезмийский слой ими совершенно игнорируется, что ведет к искажению перспективы. Во всеузбекском масштабе самый популярный богатырь — Рустам, это действительно национальный герой и пришел он отнюдь не из персидских книг, как то полагают тт. Жирмунский и Зарифов. Распространение же «Алпамыша» ограничено, он сохраняется лишь у тех узбеков, которые до недавнего времени сохраняли родоплеменное деление. В плане одностороннего литературного влияния Навои (вернее дурных лубочных переработок) рассматриваются и «Фархад и Ширин», тогда как эти образы действительно созданы узбекским народом и любимы им.

Таким образом все, что не относится к тюркскому элементу, тт. Жирмунский и Зарифов или замалчивают, или сводят к позднему персидскому влиянию. Незатронуты совершенно связи с таджикским эпосом. К уже отмеченным порокам разбираемой книги следует прибавить своеобразный пантюризм.

Книга «Узбекский народный героический эпос» не оправдала возлагавшихся на нее ожиданий. Узбекского героического эпоса в ней нет, все разложено на мотивы и тонет в бесконечных параллелях. Остается только пожалеть, что такая книга выпущена, и надеяться, что тт. Жирмунский и Зарифов дадут новое исследование в ином плане.

Проф. Е. В. Гиппиус согласился с выступавшими до него товарищами, вскрывшими основные пороки книги тт. Жирмунского и Зарифова, и остановился в своем выступлении на теоретических вопросах. Метод, называемый тт. Жирмунским и Зарифовым сравнительно-историческим, в действительности не является ни историческим, ни сравнительным. Мы не отрицаем, сказал проф. Гиппиус, сравнительный метод, но мы отрицаем позитивистский метод формалистических сопоставлений схем, из которых выхолащивается содержание. Веселовский и его последователи изучают только формальные аналогии, понимаемые ими как черты общности всех национальных культур. Сравнительный метод в нашем понимании — это предварительная лаборатория, которая должна помочь выявить различия, выделить национально своеобразные, оригинальные черты анализируемого произведения, исследование же должно заключаться в том, чтобы эти особенности исторически объяснить. Нужно говорить о действительном творчестве народа, а не превращать народных певцов в более или менее искусных комбинаторов готовых мотивов и схем. В работе проф. В. М. Жирмунского привычка рассматривать фольклор как комбинирование мотивов приводит на деле к отрицанию творческих способностей народа. Подобное декларирование народного творчества на словах и подмена его на деле комбинированием и разложением имеется и у других наших фольклористов, и с этим надо повести решительную борьбу.

Проф. П. Г. Бобатырев указал, что для ознакомления с узбекским эпосом желательно иметь не сухой и часто односторонний конспект, а самые художественные произведения. В книге тт. Жирмунского и Зарифова самая ценная глава — о сказателях, но и здесь перед исследователями узбекской народной поэзии стоят еще большие задачи и прежде всего изучение роли коллектива.

В. И. Чичеров в заключительном слове подвел итоги обсуждения. Единодушное осуждение вредной в методологическом отношении книги, сказал он, свидетельствует о том, что большинство советских фольклористов освобождается от пороков методологических установок, разделявшихся ими в прошлом. Отказывается от этих установок и сам проф. В. М. Жирмунский (как это видно из изложения его выступления в «Вестнике Ленинградского университета»). Нужно прямо сказать, что, несмотря на издание данной книги, исследования об узбекском героическом эпосе нет. Проф. В. М. Жирмунский ориентировался на Веселовского, так же как ориентировались на него и многие другие фольклористы. Фразы о необходимости изучать фольклор под социально-политическим углом зрения в книге есть, но они остаются только декларацией, весь же материал исследуется компаративистским методом, значительная часть узбекского эпоса авторами просто отброшена. Вся книга состоит из сопоставлений. Анализа идей и образов узбекского народного эпоса по существу в ней нет. Авторы проходят мимо высказываний Маркса о греческом эпосе, а ведь Маркс со всей убедительностью показал, что греческий эпос мог возникнуть только в конкретных условиях древней Греции и представляет своеобразное и неповторимое явление. Эти замечательные указания надо всегда помнить, нельзя изучать эпос в отрыве от жизни народа, от конкретной исторической обстановки, которая его порождает. В исследовании же тт. Жирмунского и Зарифова жизнь остается в стороне, она, по их собственной терминологии, является фоном, на котором бродят «вечные» сюжетные схемы. Чужие источники затемняют идеи и образы, характерные для узбекского народа на определенном этапе его исторического развития. Стадиальность в книге устанавливается абстрактно и механически, эпос рассматривается «вообще», и из всей книги логически вытекает вывод, что нового — советского эпоса быть не может. Ведь все изложение стремится доказать, что ничего нового народом создано быть не может, существуют лишь вечные традиционные схемы.

Книга В. М. Жирмунского и Х. Т. Зарифова должна быть решительным образом осуждена как вредная, противоречащая методологии марксизма-ленинизма.

В. С.

СЕССИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА КРАЕВЕДЧЕСКОЙ И МУЗЕЙНОЙ РАБОТЫ

В ноябре 1948 г. в Научно-исследовательском институте краеведческой и музейной работы проходила расширенная сессия Ученого Совета, в которой приняло участие свыше 300 человек. Сессия была посвящена вопросам коренной перестройки экспозиции краеведческих музеев.

В докладе «Об основных принципах построения экспозиции краеведческих музеев» директор Института проф. Ф. Н. Петров, критически анализируя существую-